

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС
Задания, ответы и критерии оценивания

I. [40 баллов] ЗАЛ ПЕРСОНАЖА

Примите участие в создании необычного музея. В него должны быть помещены вещи, которые важны для героя художественного произведения. Это могут быть предметы, не обязательно принадлежащие герою, но характеризующие его и существенные для создания его образа.

1. Подумайте, какие предметы (числом до 10) обязательно должны быть в музее Грушницкого из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Напишите их список.
2. Проведите экскурсию по залу. Напишите связный текст своей экскурсии, рассказав о каждом экспонате в определённой логической последовательности. Включите в свой рассказ отсылки к тексту романа. Объём текста экскурсии – примерно 200–300 слов (слова считать не нужно).

Ответы

Предметы-экспонаты из «Зала Грушницкого» (возможные варианты):

- 1) георгиевский крест;
- 2) солдатская шинель;
- 3) костыль;
- 4) шашка;
- 5) стакан;
- 6) пистолеты;
- 7) армейский пехотный мундир;
- 8) двойной лорнет;
- 9) духи;
- 10) записка доктора Вернера;
- 11) сборник романтических стихов / роман (возможно, сочинения А.А. Бестужева-Марлинского).

Примерный ответ. Дорогие друзья! Этот зал нашего музея посвящён Грушницкому – персонажу романа Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени». Как вы помните, Грушницкий действует в повести «Княжна Мери». В начале повести он юнкер. Однако в юнкерском мундире мы его не увидим; в правой витрине помещается грубая толстая **солдатская шинель**, подобная той, которую носил Грушницкий до производства в офицеры. Цель Грушницкого – «производить эффект», выдавать себя за романтического героя. Он сражался, получил отличие – **георгиевский крест**, дававшийся за проявленную личную храбрость, отпущен в Пятигорск для лечения ранения. Впрочем, Печорин, описывающий Грушницкого в своём журнале, иронично отмечает, что

тот «слывёт храбрецом... махает **шашкой** (обратите внимание на шашку той эпохи слева от вас), зажмуря глаза» и проявляет «не русскую храбрость».

Любящий окутывать свою персону романтическим флёром, Грушницкий хочет, чтобы его считали разжалованным в солдаты офицером. Он даёт понять, что причина этого наказания и ранения – дуэль. Хотя рана уже почти зажила, он преувеличенно хромает, опирается на **костыль**. А почему здесь помещён обычный **стакан**? Грушницкий демонстративно роняет примерно такой у источника минеральной воды. Стакан поднимет княжна Мери, что послужит началом их знакомства. Когда же нашего героя производят в офицеры, он по-детски радуется возможности носить **армейский пехотный мундир с эполетами** (посмотрите!), цепляет к нему **двойной лорнет** (помните такой же у Онегина?), перед балом, по словам Печорина, выливает на себя полсклянки **духов** и стремится произвести впечатление на княжну Мери.

Из-за слабости характера и болезненного самолюбия Грушницкий становится жертвой очередного эксперимента Печорина. В витрине перед нами – **пистолеты** той эпохи. Как вы, наверное, помните, дуэль между Печориным и Грушницким проходила в глухом ущелье, на обрыве, убитый Грушницкий падает в пропасть. Убийство представлено несчастным случаем, как о том пишет доктор Вернер в записке Печорину. Записку доктора Вернера вы можете прочесть здесь. Грушницкий имеет ложные понятия о чести, однако ему «стыдно убить человека безоружного», и он признаёт свою вину (сговор с драгунским капитаном о том, что нужно зарядить лишь один пистолет).

Цель Грушницкого – «сделаться героем романа», он изъясняется надоевшими Печорину романтическими штампами: вполне возможно, что среди его вещей нашёлся бы сборник романтических стихов какого-нибудь второстепенного поэта (скажем, Туманского или Бенедиктова), повесть или роман. Белинский писал, что люди, подобные Грушницкому, «страх как любят Марлинского» и говорят фразами из его повестей.

Критерии оценивания	Баллы
Количество предметов (по 1 баллу за предмет)	0–10 баллов
Описание предметов, обоснованность их выбора; связность и логичность «рассказа экскурсовода»	0–15 баллов
Обращение к тексту романа для обоснования выбора предметов (цитаты, ссылки на эпизоды)	0–10 баллов
Наличие / отсутствие речевых и грамматических ошибок в пределах изученного в курсе русского языка материала	0–5 баллов
<i>Максимальный балл</i>	40

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Вариант 1

Борис Петрович Екимов (род. 1938)

«ТЫ НЕ ВСЁ НАПИСАЛ...»

Приехал на лето в посёлок. Знакомых встречаю, беседуем, всё же долго не виделись, целую зиму. Женя Фетисов – шофёр местного автобуса, давний сосед, сын когда-то на весь Калач знаменитого Мити-гармониста.

– Зимой твою книжку читал, – говорит мне уже седовласый, но для меня всё равно – Женя. – Хорошая книжка, но ты не всё написал. Помнишь, ходили за лазоревыми цветками, за Дон, в Грушевую балку, и видели змеиную царицу...

– Какую царицу?.. – изумился я.

– Змеиную. Настоящую. Она на камне лежала. Большой самородный камень, а она на нём, прямо вся золотая, аж светится. Неужели не помнишь? – настойчиво вопрошал меня собеседник. – Змея здоровучая, вся золотая и в панцире, прямо светит... А мне потом бабка сказала: это змеиную царицу мы видели. Настоящая царица над всеми змеями. Ты про неё напиши. Я помню, хоть и маленький был, как мы сначала испугались. А потом глядели. У неё на голове – корона. Она нас не тронула. А могла и убить. Бывали такие случаи.

В нашем детстве было много славных походов: за лазоревыми цветами, за кислым щавелем, за пахучей скородой-чесноком, за ландышами в лесистое займище, за птичьими яйцами по весне (их там же и варили в солдатской каске), а ещё за патронами, за артиллерийским снарядным порохом (он – жёлтый, колбасками), за птенцами – кобчиками, которых пуховыми брали из гнезд и растили дома, а ещё за сладким солодиком осенью, тогда же – за бояркой, кисляткой, шиповником, дикими яблоками да грушами. Их было много, и много ребячьих походов.

Соседу Жене памятен именно этот, со змеей. Наверное, это был желтопуз, по-научному – полоз желтобрюхий. Действительно, большая змея, о которой рассказывали немало страшного: колесом свернётся, голова к хвосту, и катится быстро, даже машину может догнать; а когда разозлится, то на хвосте надувает большую шишку ли, шар и бьёт им до смерти человека или скотину, даже телегу может разбить или деревянный борт у грузовой машины. Такие вот страсти. А желтопуз и вправду красив. Поэтому сосед и запомнил его: под солнцем сияющий, на белом камне змеиный царь ли, царица, и даже с короной. Сказка детства и долгая память и потому наказ: «Напиши...»

Приехал как-то на хутор к товарищу, погостевать, порыбачить. Не виделись давно, целую зиму. Новостей много, беседуем. А потом он говорит:

– Книжки твои зимой читал. Делать особо нечего. Со скотиной управился – и читай. Ты про наш паром написал, про перевозчика Федю Босяву, а потом мост построили, и всё ушло – это правильно. Но ты не всё написал. Вот я вспомнил, что когда был паром, а мы на выходные к матерям едем на хутор из города... Уже мы работали, машины появились, у меня был «Москвич». А кто – на казенных, многие шофёрили. К матерям едем на выходной, все – задонские, парома не минуешь. Мне – в Набатов, дружок мой, Михаил Одинев, в Осиновке жил, мы вместе в Нижнем Чиру на комбайнёров учились, Иван Бочков – липологовский, мы с ним вместе в армию призывались, из Голубинки были, из Большой Голубой, из Малой. И все – к переправе. Кого и сто лет не видел, встречаешь. Обычно много машин в пятницу и субботу, до самого базара хвост, аж за переезд. Стараемся вместе: своих пропустить да пристроить. Тем более на пароме Иван Вареников работал, наш, набатовский. Но всё равно переправимся лишь вечером, часам к девяти. Переправились, не уезжаем, всех ждём. А уж тогда погнались все вместе. Доезжаем до кургана Хорошего, где развилка. Ставим машины, полог – на траву, садимся, выпили чуток и загалдели... Все новости: кто, где, чего... И всё дочиста вспомним, ведь вместе росли, пусть хутора разные, а совхоз один, «Голубинский». И в школе, кто после седьмого класса, в одной учились. В голубинский клуб пешком ходили да на велосипедах. Есть чего вспомнить, шумим до ночи, а то и зарю встречаем. Потом встали, попрощались. Давай по коням, каждый в свою сторону: одни – налево, на Липологовский, другие – на шлях, осиновские да голубские, найдёновские, мы – на Евлампиевку, Тёплый, Набатов. Разлетелись...

И так вот, пока был паром, встречались и знались. В городе по телефону звонили: мол, едешь, не едешь.

А мост построили, паром убрали – и конец всему. С тех пор, считай, никого не видел. Негде. Через мост напрямую – и дальше погнался. И каждый так. Всё. Кончились встречи. Вот про это у тебя не написано. А надо бы написать.

– Конечно, надо, – с усмешкой подтверждает слова приятеля его жена. – Про ваши пьянки-гулянки. Как ты напился на этом кургане и вместо Набатова уехал аж в Иловлю.

– Ну, это туман был, – оправдывается супруг. – И никакая не Иловля, а на Ляпин бугор заехал. А ты сколько лет-годов помнишь.

С мужем в спор не вступая, хозяйка мне говорит:

– Моя подруга из Сиротинской всё хочет вас повидать. Я вам как-то рассказывала про её маму. Но она сама хочет, она это лучше знает. Вот бы, говорит, он написал. Такая жизнь.

У неё мама была – красавица. Высокая, лицо – белое, глаза голубые, ротик, носик – всё как нарисованное, брови – чёрные, а волос длинный, коса заплеталась до пояса. Она до старости была такая красивая, а уж в девках – и вовсе. Дружила она с одним парнем, а он её обманул. Он – из казаков, из богатых, а она – сирота у матери, жили бедно. Он обещал жениться. И обманул. Её, конечно, ославили, по всем хуторам молву волочат. Она плачет, а куда денешься.

И выдали её за безногого парня из богатой семьи. У него ноги-то были, но маленькие, как у дитя, калачиком. Он на них не ходил, ездил на тележке с колёсиками. Выдают её за этого парня-калеку. А куда ей деваться?.. Без приданого, отца нет, мать – бедная, в хатке-мазанке жили. Да ещё – порченная. На всю округу ославили. А в те годы это был позор.

Свадьба была богатая. Как положено, в церкви венчали.

И вот стоит она в церкви у аналая. Высокая, красивая да в белом венчальном платье. Ну прямо царица. А жених – возле ног её, на деревянной тележке.

Народу нашло со всех хуторов, полна церква. Бабы и девки плачут, ревмя режут. А она стоит – раскрасавица. А он – на полу, возле ног, до коленок ей.

Вот так и выдали замуж. Он работал объездчиком. Она ему запряжёт лошадь и на руках его из дома несёт, в бричку сажает. Он и поехал. Так и жили. Четверых детей нажили: два сына, две дочери. Моя подруга – младшая. Вот и хочет она, чтобы вы написали. Всё спрашивает у меня, как с вами поговорить. Про это надо бы написать. Это бы всем было интересно. Такая жизнь...

И вправду ведь такая у нас жизнь: будто простая, обыденная, идёт и идёт, но оглянешься – а там что-то светит и греет душу, даже через много лет. Какая-нибудь сказочная царь-птица или царица-змея из детства, или просто мама ли, бабушка в один из дней, которых было, оказывается, так много, что обо всём не напишешь.

(2006)

Вариант 2

Александр Моисеевич Городницкий (р. 1933)

СТАРЫЙ ПУШКИН

И Пушкин возможно, состарившись, стал бы таким,
Как Тютчев и Вяземский, или приятель Языков.
Всплывала бы к небу поэм величавых музыка,
Как царских салютов торжественный медленный дым.

И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней
О славе державы, о тени великой Петровой, –
Наставник наследника, гордость народа и трона,
В короне российской один из ценнейших камней.

Спокойно и мудро он жил бы, не зная тревог.
Настал бы конец многолетней и горькой опале.
И люди при встрече шептали бы имя его,
И, кланяясь в пояс, поспешно бы шапки снимали,

Когда, оставляя карету свою у крыльца,
 По роскоши выезда первым сановникам равен,
 Ступал он степенно под светлые своды дворца,
 С ключом камергера, мерцая звездой, как Державин.

Царём и придворными был бы обласкан поэт.
 Его вольнодумство с годами бы тихо угасло.
 Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет,
 Как пламя лампы, в которой кончается масло.

И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой,
 Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада,
 А старого Пушкина с грузной седой головой
 Представить не можем; да этого нам и не надо.

(1978)

Для удобства оценивания предлагаем ориентироваться на школьную четырёх-балльную систему. Так, при оценке по первому критерию 0 баллов соответствуют «двойке», 5 баллов – «тройке», 10 баллов – «четвёрке» и 15 баллов – «пятерке». Безусловно, возможны промежуточные варианты (например, 8 баллов соответствуют «четвёрке с минусом»).

Критерии оценивания	Баллы
Наличие/отсутствие ошибок в понимании текста; последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15	15
Композиционная стройность работы, её общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10	10
Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок в пределах изученного в курсе русского языка материала). Шкала оценок: 0 – 2 – 3 – 5	5
<i>Максимальный балл</i>	40

Максимальный балл за все верно выполненные задания – 80.